

Ст. 282 УК РФ (место в системе преступлений экстремистской направленности)

С.В. Землюков¹, Д.П. Потанов²

¹ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

² Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия)

Article 282 of the Criminal Code (Place in the System of Extremist Crimes)

S. V. Zemlyukov¹, D. P. Potanov²

¹ Altai State University (Barnaul, Russia)

² Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia)

Статья посвящена вопросам ответственности за преступления экстремистской направленности. В частности рассматриваются некоторые проблемы квалификации и систематизации преступлений данной группы по российскому уголовному праву. Авторы предпринимают попытку проанализировать некоторые положения Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и возможности применения их в судебно-следственной практике. Предложена четырехзвенная классификация данной группы преступлений с учетом их значимости, иерархии и взаимодействия, на этой основе предложены рекомендации по квалификации конкретных уголовно-правовых случаев, в частности ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», в том числе разграничения этих преступлений между собой, наличия или отсутствия совокупности между преступлениями данной группы.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, система преступлений экстремистской направленности, публичные призывы, возбуждение ненависти, квалификация преступлений, совокупность преступлений.

DOI 10.14258/izvasu(2014)2.2-24

Сегодня руководство нашего государства, достаточно четко осознав опасность экстремизма для многонациональной и многоконфессиональной России, предпринимает порой весьма серьезные меры по недо-

The article is devoted to questions of responsibility for the crimes of an extremist orientation, in particular, to the problems of qualification and classification of such crimes under the Russian Criminal Law. The authors attempt to analyze some of the provisions of the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 № 11 “On judicial practice in criminal cases about extremist crimes” and their possible use in judiciary practice. The authors propose a four-stage classification of this group of offences, taking into account their importance, hierarchy, and interaction, and on this basis, recommend to qualify specific criminal incidents, in particular, Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation “Incitement of hatred or hostility, and humiliation of human dignity” and Article 280 of the Criminal Code “Public calls to extremist activities”, distinguish between these crimes and establish the presence or absence of conjunction between the crimes of this group.

Key words: crimes of an extremist orientation, the system of extremist crimes, public appeals, incite hatred towards, a qualification of the crimes, the totality of crimes.

пушению его проявлений на территории нашей страны. Меры эти разнообразны и осуществляются в различных отраслях и областях системы государственного управления: экономической, социальной, правовой.

В нашем исследовании мы коснемся только последней, в которой значимое место занимает и уголовное право.

В частности Уголовный кодекс Российской Федерации содержит множество статей, устанавливающих ответственность за деяния экстремистской направленности. Можно отметить, что законодателем создана система ответственности за данные преступления. Условно, на наш взгляд, их можно разделить на четыре группы. Во-первых, это деяния, описанные в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», с указанием на их экстремистскую направленность (ст. ст. 280, 282, 282.1, 282.2), что прямо отражается в их наименовании, во-вторых, названные в качестве экстремистских в соответствующем законе [1] (например, ст. ст. 277, 318, 136 и т. д.), в-третьих, деяния, в которых их экстремистская направленность выступает в качестве квалифицирующего признака (например, соответствующие части ст. ст. 105, 111, 213 и т. д.). И несколько особняком, на наш взгляд, в этой системе стоит ст. 357 УК РФ «Геноцид», в которой формально не указана экстремистская мотивация, но содержание данной статьи позволяет признать ее как наиболее опасную и «высшую» форму проявления экстремистских устремлений. Кроме того, в п. 2 примечания к ст. 282.1 УК РФ упомянут п. «е» ст. 63 УК РФ («Обстоятельства, отягчающие наказание»), т. е. признается возможность признания любого преступления экстремистским в случае совершения его по соответствующим мотивам.

Вместе с тем нам представляется, что более простой и в то же время более практичной и рациональной можно признать двучленную классификацию. В первую группу входят деяния, прямо устанавливающие ответственность за экстремизм (гл. 29 УК РФ), и иные деяния, в которых экстремизм выступает в качестве дополнительного признака.

Во всей этой системе, если рассуждать логически, центральное, основное место должна занимать ст. 282 УК РФ, устанавливающая ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. В соответствии с законом ответственность по данной статье наступает за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации».

Как видно из содержания, именно данная статья содержит основные понятия и признаки всех преступлений экстремистской направленности. Тем более что ни содержание, ни какие-либо иные показатели «действий» законодателем не указываются, и это по-

зволяет предположить их общий, всеобъемлющий характер. Т. е. она является общей нормой, все остальные составы, включаемые в систему преступлений экстремистской направленности, формально являются для данного состава специальными.

Однако общим данный состав является только для преступлений, прямо устанавливающих ответственность за экстремизм. Для деяний, в которых экстремизм выступает в качестве дополнительного признака, он не является таковым. Из этого утверждения должны вытекать рекомендации по квалификации данных преступлений. И соответственно в тех случаях, когда составы не соотносятся как «общий — специальный», независимо от того, совершены ли несколькими или одним деянием, они всегда будут квалифицироваться как совокупность преступлений, например, действия, направленные на возбуждение ненависти к представителям какой-либо национальной группы, сопровождающиеся совершением убийства или причинением тяжкого вреда здоровью, будут квалифицированы и по ст. 282, и по соответствующим частям статей 105 и 111.

Однако более сложной представляется ситуация с деяниями «чисто» экстремистской направленности, поскольку в соответствии с общими правилами квалификации, в случае если совершенное деяние подпадает под действие двух норм, находящихся в соотношении общей и специальной, то идеальная совокупность отсутствует, и ч. 3 ст. 17 УК РФ прямо указывает, что ответственность наступает лишь по специальной норме. Но в анализируемой нами ситуации, как нам представляется, данное положение не всегда может быть применено. Это утверждение может быть проиллюстрировано следующими тезисами.

Используемый в законе термин «возбуждение» понимается в русском языке не только как стремление вызвать, породить определенное состояние, но и настроить против кого-либо [2, с. 82]. Именно в таком смысле должен пониматься термин «возбуждение» в данном составе преступления, то есть объективная сторона преступления предполагает совершение таких действий (действия) лица, целью которых может выступать стремление породить в другом человеке негативное отношение в виде ненависти и вражды к другой группе лиц. А именно как формирование определенного состояния лица, находясь в котором, он начинает определенным образом корректировать свое поведение, исходя из своего нового понимания складывающейся ситуации. Теоретически мы можем предположить два варианта его действий. Во-первых, так называемой «тихой ненависти», когда лицо в своей повседневной деятельности руководствуется этим состоянием, «пакостит по-мелкому» (отказал в помощи, не пропустил в очереди и т. д.), и данное поведение сложно признать имеющим степень общественной опасности, необходимой для признания

его преступным. И во-вторых — как отношение побуждающего (мотива) к действию, то есть непосредственное совершение активных противоправных действий в виде призывов, писания листовок, а также совершения на этой почве убийств, причинения вреда здоровью и т. д.

При этом, исходя из значения самого термина «возбуждение», необходимо учитывать, на наш взгляд, и тот факт, что оно имеет двойную направленность. Во-первых, это действия, направленные на вербовку своих сторонников, формирование отношения ненависти и вражды у лиц, которые в дальнейшем входят в «нашу» группу против «чужих». То есть как раз тот вариант, который традиционно и понимается в теории и судебной практике. Но почему-то упускается и другой вариант формирования подобного враждебного отношения — от обратного. Т. е., во-вторых, подобное отношение ненависти и вражды возникает в силу негативного восприятия потерпевшим осуществленного на него воздействия представителей другой национальной либо религиозной группы. Сложно представить себе ситуацию, что потерпевший от экстремистского нападения испытывал не то чтобы чувство любви, но даже чувство эмоционального равнодушия к нападавшим, как к представителям другой этнической группы. В подобных случаях представители потерпевшей стороны испытывают «праведный» гнев и направляют его на представителей другой стороны, таким образом достигается искомый результат, ненависть и вражда порождена. И сослаться здесь можно не столько на судебную практику, сколько на исторический опыт. Достаточно вспомнить убийство германского дипломата Э. фон Рата, послужившего поводом к «Хрустальной ночи» в Германии в ноябре 1938 г. [3].

Такой же подход прослеживается и в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Так, в п. 7 указано, что под «действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц» [4].

Помимо возбуждения ненависти и вражды ст. 282 УК РФ указывает и на унижение достоинства человека либо группы лиц, выделенных по определенным признакам. Так, Свердловским районным судом г. Белгорода в мае 2014 года осужден Балдин Е. П., использовавший для распространения нацистской символики и призывов к насилию в отношении групп людей по признакам национальной (кавказцы) и ра-

совой (не белые) принадлежности сеть Интернет [5]. Необходимо отметить, что в подобных ситуациях, по сути, присутствует особая форма оскорбления [2], основанная не на индивидуальном отношении к конкретному лицу, а на негативном восприятии группы лиц, выражаемая чаще всего в пренебрежении, изначально предполагаемой ущербности, неполноценности, превосходстве и т. п. над целой группой людей, выделенных по какому-либо признаку. Подобное понимание, позволяющее установить уголовно-правовой запрет, определяется в соответствии с п. 2 ст. 29 Конституции РФ, где сказано, что в России «запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

Однако унижение достоинства и чести всегда происходило и происходит с указанием в том числе и на какие-либо показатели принадлежности унижаемого к религиозной, национальной, социальной группе, достаточно вспомнить хрестоматийное «а еще шляпу (очки) надел» при оскорблении интеллигента. Т. е. можно утверждать, что в статье 282 УК РФ установлена ответственность за особые, специальные случаи оскорбления.

Таким образом, исходя из содержания ч. 1 ст. 282 УК РФ, можно говорить о двух видах действий: направленных, во-первых, на возбуждение ненависти и вражды и, во-вторых, на унижение достоинства человека на основании какого-либо личностного признака.

Вместе с тем, на наш взгляд, Верховный суд искусственным образом сузил понимание термина «действие» в данном составе преступления, в его Постановлении указаны, в частности, действия, выраженные в виде «высказывания» [4]. Никаких других возможных вариантов, предполагаемых в соответствии со статьей 282 УК РФ, Верховный суд не указывает, и, безусловно, понятно, что ничего другого на сегодняшний день судебная практика при привлечении к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 282 УК РФ не будет признавать в качестве «действий направленных на возбуждение ненависти или вражды...».

Однако в русском языке термин «действие» гораздо шире и многограннее [2, с. 140]. Одним из его значений является: «поступки», «поведение» в любом своем проявлении. Для нужд уголовного права можно сказать, что это не только высказывания, но и физическое, моральное, психическое воздействие на потерпевшего, и при таком понимании термина «действия», безусловно, возникает проблема отграничения ст. 282 УК РФ от смежных экстремистских преступлений, охватывающих уже не общее понятие, а конкретное проявление действия, в частности причинение вреда здоровью, нарушающее общественный порядок и т. д., — т. е., как мы и говорили ранее, специальные нормы. И на основе общих положений

квалификация подобных действий может быть осуществлена по совокупности: ст. 282 и иная статья УК, непосредственно устанавливающая ответственность за данное деяние. Однако с учетом сравнительной степени общественной опасности — это совокупность ст. 282 (преступление средней тяжести) и, традиционно, тяжких и особо тяжких, иных деяний, и в этом случае статья 282 УК РФ фактически теряет свой смысл, она теряет свое уголовно-правое значение как самостоятельный состав.

Поэтому попытка Верховного суда определить место ст. 282 УК РФ в системе уголовно-правовых зачетов понятна и вполне оправдана. Однако ее нельзя признать удачной. Так, даже в этом случае не исчезает противоречие между содержанием ст. 280, устанавливающей ответственность лишь за публичные призывы, по поводу которых то же самое постановление в п. 4 указывает: «Под публичными призывами (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности» [4]. Хотя понятно, что высказывание с целью унижить или привлечь сторонников и есть обращение к другим лицам, тем более что ст. 282 УК РФ предусматривает признак публичности или использование средств массовой информации. И где та грань, которая отличает «публичное высказывание» от «публичного призыва», неясно, следовательно, где в этом случае провести границу между ст. 280 и ст. 282 УК РФ, непонятно.

Не проясняет ситуацию и разъяснение п. 5 постановления: «Обратить внимание судов на то, что статьей 280 УК РФ предусмотрена ответственность лишь за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Публичное распространение информации, в которой обосновывается необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т. д., либо информации, оправдывающей такую деятельность, следует квалифицировать по статье 282 УК РФ при наличии иных признаков этого состава преступления» [4].

Из данного пункта даже не ясно, возникает ли необходимость совокупности преступлений. Потому что представить себе призыв к экстремистской деятельности, по сути противоправной, совершаемой в конечном счете путем насилия, без обоснования совершения этих противоправных действий в отношении некой группы лиц невозможно.

Сложность, с которой столкнулся Верховный суд, понятна, ведь призыв является лишь частным случаем действий (в широком смысле), направленных на возбуждение экстремизма.

Еще более запутывает ситуацию с «высказыванием» п. «а» ч. 2 ст. 282: «те же деяния (высказывания?), совершенные с применением насилия или с угрозой его применения». И если «высказывания», содержащие угрозу, еще представить можно, то «высказывание» в виде применения насилия — уже невозможно. Если же согласиться с п. 9 Постановления, что «... насилие, применяемое при совершении преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, является не только выражением ненависти в отношении конкретного потерпевшего, но и направлено на достижение специальной цели — возбуждение ненависти или вражды в других людях (о чем, например, может свидетельствовать применение в общественных местах в присутствии посторонних лиц насилия в отношении потерпевшего (потерпевших) по признаку принадлежности к определенной расе или национальности, сопровождаемое расистскими или националистическими высказываниями)» [4], то возникает вопрос о наличии признаков, предусмотренных п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, экстремистского хулиганства. Т. е., опять же в этом случае ст. 282 УК РФ может быть применена лишь в совокупности с иным составом преступления — и снова тот же вывод об утрате самостоятельного уголовно-правового значения.

Представляется, что решение проблем уже не может быть обеспечено возможностями и силами Верховного суда, они вне его компетенции. Нужна основательная ревизия созданных, на наш взгляд, поспешно статей и квалифицирующих признаков в Уголовном кодексе. Необходимо создание новой, научно обоснованной четкой системы уголовно-правовой ответственности за экстремистскую деятельность, то есть законодатель должен пересмотреть нынешние составы и вернуться к традиционному подходу российского и советского уголовного права. В качестве предложения может рассматриваться создание единой статьи, устанавливающей ответственность за экстремистскую деятельность, в которой в зависимости от степени общественной опасности следует расположить и призывы, высказывания, и организацию и применение насилия, за исключением причинения умышленного тяжкого вреда здоровью и убийства, требующих всегда совокупности. С учетом же опасности подобных действий для России не исключено для данной статьи применение и пожизненного лишения свободы.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. от 27.07.2006 148-ФЗ) // СЗ РФ. — 2002. — №30. — Ст. 3031. — «Консультант Плюс» [Электронный ресурс].
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. — 15-е изд., стереотип. — М., 1984.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». — «Гарант» [Электронный ресурс].
4. ХРУСТАЛЬНАЯ НОЧЬ (Kristallnacht) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.usmmm.org/wlc/ru/article.php?ModuleId=10005201>
5. Росправосудие. Судебная практика [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://rospravosudie.com/court-sverdlovskij-rajonnyj-sud-g-belgoroda-belgorodskaya-oblast-s/act-454866456/> (заглавие с экрана).